

УДК 82-65:821.161.1(091)

**ПЕРЕПИСКА Н.М. КАРАМЗИНА
С ЧЛЕНАМИ ЦАРСТВУЮЩЕГО ДОМА
КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Т.Б. Фрик

Томский политехнический университет
E-mail: vfrik@list.ru

Фрик Татьяна Борисовна,
канд. филол. наук, доцент
кафедры русского языка и
литературы Института
международного образования и
языковой коммуникации ТПУ.
E-mail: vfrik@list.ru
Область научных интересов:
русская литература XIX в.,
метатекстовые образования,
эпистолярное наследие.

Поставлена проблема комплексного исследования эпистолярного наследия Н.М. Карамзина. Рассмотрены письма Н.М. Карамзина к членам царствующего дома, определены тематические и образные доминанты данного эпистолярного дискурса.

Ключевые слова:

Сентиментализм, эпистолярный, Н.М. Карамзин, монарх.

Key words:

Sentimentalism, letters, N.M. Karamzin, the monarch.

В последние десятилетия отмечается повышенный интерес к изучению писем в различных аспектах, при этом современные подходы к рассмотрению эпистолярия отличаются интегративностью используемых научных методов. Эпистолярная форма становится предметом анализа для целого комплекса гуманитарных наук: истории, филологии, искусствоведения, психологии, философии. Закономерно, что интерес исследователей в большей степени обращен к эпистолярию XIX в., т. к. именно в этот период происходит расцвет эпистолярной культуры.

Исследовательский интерес к эпистолярной форме связан, с одной стороны, с ее особым жанровым и историко-литературным значением, с другой стороны, с культурным и философским потенциалом, что позволяет рассматривать эпистолярный дискурс как особый философский нарратив, генетический феномен человека во времени [1. С. 16], т. к. именно письма дают возможность лучше взглянуть физиономию отраженной в них эпохи.

Письма стали предметом многоаспектного изучения современной лингвистической науки. Исследователи анализируют жанрово-стилевую специфику эпистолярия, структуру писем, особенности функционирования в эпистолярных текстах языковых единиц разного уровня и мн. др. Особого внимания заслуживает тот факт, что все чаще материалом современных лингвистических исследований становится переписка русских писателей XIX в. и эпистолярные тексты в структуре художественных произведений [2–5 и др.]. Актуальным является обращение лингвистов к дружеским эпистолярным текстам, т. к. именно дружеская переписка наиболее приближена к ситуации непринужденного общения, что дает возможность рассматривать поставленные проблемы на дискурсивном уровне, а также обращаться к актуальным сегодня проблемам лингвоперсонологии [6].

Наиболее давнюю традицию имеет изучение эпистолярия в историко-культурном и биографическом аспектах. Долгое время обращение к письмам было связано с изучением особенностей литературного стиля эпохи или того или иного писателя. Появление работ Ю.Н. Тынянова «Литературный факт» [7], Н.Л. Степанова «Дружеское письмо начала XIX в.» [8], Л.П. Гроссмана «Культура писем в эпоху Пушкина» [9] свидетельствует о развитии нового направления исследования эпистолярного текста, который отныне рассматривается не только как источник биографических и исторических сведений, но и как литературный факт эпохи.

Восприятие письма как литературного факта, как лаборатории развития новой русской прозы, индивидуального стиля писателя (в большей степени на материале писем писателей XIX в., в меньшей – писателей конца XVIII в.) становится чрезвычайно актуальным направлением литературоведческих исследований. Г.П. Макогоненко в статье «Письма русских писателей XVIII века и литературный процесс» [10] ставит проблему изучения писем писателей XVIII в. как бытового и литературного факта. В статье «Письма И.С. Тургенева» М.П. Алексеев напишет: «Писательские эпистолярные не только историческое свидетельство: они имеют черты "отличные" от любого другого бытового письменного памятника, архивной записи или даже прочих эпистолярных документов: письмо находится в непосредственной близости к художественной литературе и может порой превращаться в особый вид художественного творчества, видоизменяя свои формы в соответствии с литературным развитием, сопутствуя последнему или предупреждая его будущие жанровые и стилистические особенности» [11. С. 15].

Актуальность всестороннего изучения эпистолярия и в последние десятилетия подтверждается появлением внушительного количества монографических исследований, посвященных рассматриваемой проблеме, прежде всего, в связи с конкретной авторской персоналией. В центре исследований находится поэтика писательского эпистолярия [12–16 и др.]. Одним из наиболее актуальных подходов к эпистолярному становится восприятие переписки как единого комплекса, воплощающего тип национальной культуры. Достаточно яркий пример этого – книга венгерского слависта Д. Атанасовой-Соколовой «Письмо как факт русской культуры XVIII–XIX веков» [17], в которой автор под термином «эпистолярность» понимает такой тип культуры, в котором письмо представляет собой особый культурный концепт.

Также актуальным в настоящее время становится феноменологический подход в изучении эпистолярия [1, 18]. Исследователи доказывают, что письма способны демонстрировать трансформации формы бытия и сознания. Так, переписка А.И. Герцена с Н.А. Захарьиной рассматривается Е.К. Созиной как отдельный текст герценовского метатекста сознания, своеобразная биография души писателя, при этом, по мнению исследователя, тексты писем А.И. Герцена не менее литературны, чем его произведения [18].

Таким образом, необходимо еще раз отметить, что для современной гуманитарной науки очевидна актуальность исследования эпистолярия конца XVIII–XIX вв. как особого феномена. Специфика эпистолярного текста – его способность конденсировать в себе культуру, философию, историософию эпохи, его потенция к культивированию личности, к развитию языка и литературы – позволяет ученым проводить многоаспектные исследования на стыке научных интересов. В настоящее время осуществляется активная разработка различных частных аспектов бытования эпистолярия, в связи с чем ощущается необходимость в комплексном осмыслении поэтики письма, его функции, места в русской культуре.

Очевидно, что разговор о письмах как об особой форме времени невозможен без обращения к эпохе сентиментализма: «Именно в эпоху сентиментализма вырабатывается особая эпистолярная культура, к которой приобщаются не только литераторы, но многие люди, никогда не выступавшие в печати» [19. С. 747]. При этом представляется необходимым комплексное рассмотрение в русле заявленной проблематики эпистолярного наследия Н.М. Карамзина, как ярчайшего представителя русской сентиментальной культуры.

Письма Н.М. Карамзина – это, безусловно, сокровище эпистолярной прозы, специфика которого обусловлена личностью автора – сентиментального писателя, историка, гражданина. Н.М. Карамзин оставил обширное эпистолярное наследие. Его письма к И.И. Дмитриеву, К.Н. Батюшкову, Г.Р. Державину, В.А. Жуковскому, В.М. Карамзину, М.И. Кутузову, Е.Ф. Муравьевой и мн. др., как правило, становились источником биографических, историко-литературных сведений. Однако до сих пор не было предпринято как полное издание переписки Карамзина, так и исследование эпистолярного наследия писателя как литературного, культурного факта. Если эпистолярность «Писем русского путешественника» не раз становилась объектом пристального внимания исследователей, то частная переписка Н.М. Карамзина практически не была предметом специального литературоведческого анализа.

Уникальность частной переписки того времени в том, что из личного документа она превращается в форму освоения действительности. Кроме того, она теснейшим образом связана с литературным процессом: письмо «улавливало зреющие конфликты, проблемы века, "схватывало" в жизни новый сентиментальный тип сознания и мироощущения и стихийно отражало их, прежде чем они становились предметом художественного исследования в прозе» [20. С. 135–136]. Именно отношение Карамзина к жизни как к роману, продекларированное им самим, позволило Р.М. Лазарчук рассматривать переписку писателя с А.А. Петровым как своеобразный «роман в письмах» [20].

Особый эпистолярный «роман» складывается у Н.М. Карамзина с членами царствующего дома. Частное эпистолярное общение писателя с царствующими особами (Император Александр I, вдовствующая Императрица Мария Федоровна, Императрица Елизавета Алексеевна, Великая княгиня Екатерина Павловна) – феноменальное и практически единичное явление для русской культуры и литературы. На сегодняшний день можно говорить только еще об одном подобном факте: переписке В.А. Жуковского с членами царствующего дома. Интересно, что именно Н.М. Карамзин приложил усилие к тому, чтобы его друг стал учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны. Таким образом, царствующий дом в определенный период оказался связан достаточно тесным, в том числе и эпистолярным, общением с двумя великими литераторами, и их переписка – это, без сомнения, особое культурное и литературное явление, до сих пор не становившееся предметом отдельного исследования.

В восемнадцатом томе Полного собрания сочинений Н.М. Карамзина [21] опубликованы фрагменты переписки писателя с Императрицей Марией Федоровной (15 писем Н.М. Карамзина в период с 1812 по 1824 гг. и 30 ответных писем в период с 1813 по 1826 гг.); с Александром I (12 писем Н.М. Карамзина в период с 1810 по 1825 гг. и 11 ответных писем в период с 1822 по 1825 гг.); с Императрицей Елизаветой Алексеевной (27 писем Н.М. Карамзина и 27 ответных писем в период с 1818 по 1826 гг., кроме того, 9 недатированных писем); с Екатериной Павловной Романовой, сестрой Александра I (известны 2 письма Н.М. Карамзина 1813 и 1817 гг. и 27 ответных писем в период с 1810 по 1818 гг.).

Даже поверхностное знакомство с данной перепиской позволяет говорить о том, что перед нами четыре особых эпистолярных дискурса, характер которых определен личностями, участвующими в переписке, отношениями адресатов, их восприятием окружающей действительности. Всю переписку, несомненно, можно воспринимать как художественное произведение, которое при этом имеет статус жизненного, человеческого документа. Н.М. Карамзин в своих письмах олитературивает действительность, тексты его писем к монаршим адресатам несут высокий эмоциональный, идейный и эстетический заряд. Обозначим специфику эпистолярных взаимоотношений Карамзина с каждым из указанных выше адресатов.

Письма Н.М. Карамзина к Александру I публицистичны, именно в них реализуется принцип потенциальной открытости эпистолярного жанра, его своеобразная декларативность. По стилю и настроению данные письма можно сравнить с публикациями «Вестника Европы» (издателем которого, как известно, был также Н.М. Карамзин). Некоторые из писем, адресованные Александру I, оформляются как письма открытые, они сродни публичным обращениям, ораторским выступлениям. Примером может служить известное письмо «Мнение русского гражданина», которое было прочитано Карамзиным царю. Данный текст характеризуется отточенностью каждого слова, однако значимо то, что его автор настойчиво подчеркивает неподготовленный, эмоциональный характер письма: «<...> спешу после нашего разговора, излить на бумагу некоторые мысли (не думая ни о красноречии, ни о строгом логическом порядке). Как мы говорим с Богом и совестью, хочу поговорить с Вами» [21. С. 9].

Умение Н.М. Карамзина ориентироваться на читателя и одновременно создавать своего читателя [22] очень ярко проявилось в переписке с Александром I. Разочарованный в реальном государе, он формулирует на страницах писем доминанты поведенческого текста истинного монарха, как открыто, с предписывающей интонацией: «Бог дал Вам царство и вместе ним обязанность исключительно заниматься благом оного» [21. С. 11]; «нельзя хотеть ничего более,

кроме того, чтобы утвердить мир в Европе и благоустройство в России: первый бескорыстным, великодушным посредничеством; второе хорошими законами и еще лучшей управою» [21. С. 12]; «Здесь Либералисты, там Сервелисты; истина и добро в середине: вот Ваше место, прекрасное, славное. Стойте же на часах без усталы <...> быть Великим Монархом именно в наше время есть завидная доля для великодушия» [21. С. 17], так и имплицитно: «тогда <...> осмелюсь представить Вам сочиненную мною историю как действие и плод Вашего благодетельного для наук царствования» [21. С. 7]; «Сколько Вам дела и забот! Но мы для того в здешнем свете. Счастлив, кто заботится о благе миллионов! В этом смысле почти не имею к Вам жалости, хотя и не камень» [21. С. 22–23].

Яркой особенностью писем Н.М. Карамзина к монарху является смена образных планов. В анализируемых текстах ясно прочитываются следующие образы: верноподданный Николай Карамзин, историограф, русский гражданин. Они играют особую роль, поскольку расширяют границы эпистолярного текста, делают его более сложным, многослойным. При этом данная многослойность осознается самими участниками переписки, она ими закрепляется в создаваемых текстах. Например, Александр I пишет Н.М. Карамзину: «Чин в знак моей признательности Историографу. А Николаю Михайловичу извещение, что в Царском Селе сухо и чисто в саду, а в Китайском его жилье тепло и прибрано» [21. С. 19], соответственно, в ответе Карамзина читаем: «В лице Историографа приношу Вашему Императорскому Величеству всеподданнейшую благодарность за чин <...> Теперь же в лице Н.М. Карамзина повторяю то, что всего более люблю говорить Вам: муж, жена, дети, все мы привязаны к Вам бескорыстно» [21. С. 19].

Значимость, содержание образа государственного историографа продекларированы Н.М. Карамзиным в записке, предназначенной для Александра и содержащей просьбу разрешить печатать «Историю государства Российского» без дополнительной цензуры. Обосновывая просьбу, Карамзин формулирует свое кредо: историограф «должен разуметь, что и как писать; собственная его ответственность не уступает цензорской» [21. С. 23]. Историограф – лицо государственное, играющее важнейшую роль в историческом процессе. Позиционирование своего труда как дела государственного станет лейтмотивным в рассматриваемых письмах. Любопытна записка Н.М. Карамзина к Александру от 1 декабря 1822 г.: «Верный Историограф повергает себя к стопам Вашего Императорского Величества с сердечною благодарностию за милостивое слово и за написанные примечания, исторические в полном смысле: ибо они должны войти в Вашу собственную Историю» [21. С. 17]. Таким образом, «История государства Российского», в том числе как результат труда историографа, становится в письмах символом величия монаршей власти, значимости ее для потомков.

Как уже было сказано, образ историографа не единственный в переписке с царем. Не менее важен образ Н.М. Карамзина – подданного своего государя, человека чувствительного, яркими качествами которого становятся искренность и сердечность. Он сопереживает своему «Августейшему Хозяину», благодарит за его подготовленный дом, говорит о простых семейных радостях. Но при этом необходимо отметить, что этот «уединенный Царскосельский житель» трудно разделим с образом гражданина, который проскальзывает практически за каждой строчкой любезного Николая Михайловича. Не случайно он и его семья ежедневно думают и молятся о государе, «не разделяя своего добра с общим» [21. С. 22]. Любопытно, как в одном и том же письме Карамзин одновременно выражает радость по поводу бытового и государственного предмета: «Сердечно радуемся добрым вестям о Вашем здоровье. <...> Радуемся и другим хорошим вестям: слышим, что Вы довольны явными успехами государственного и гражданского благосостояния в Королевстве Польском. Сладко, для доброго сердца, благотворить и частным людям; еще сластнее, для души высокой, благотворить Государствам» [21. С. 21].

Письма Н.М. Карамзина к Марии Федоровне, матери августейшего монарха, отличаются большей литературностью. Их переписку (особенно это касается писем 1813–1818 гг.) можно назвать сентиментальным романом «В ожидании встречи». В письмах к императрице Н.М. Карамзин предстает человеком, далеким от двора, мало привязанным к свету, но умеющим чтить добродетель в Августейшей особе [21. С. 25]. Его письма

императрице эмоциональны, сердечны и чувствительны. Эта повышенная эмоциональность подчеркивается постоянными оговорками о недостаточности слов для выражения чувств: «Сердце мое исполнено признательности: не могу достаточно выразить оную словами» [21. С. 26–27]; «Гораздо легче чувствовать, нежели выражать признательность»; «Чем больше чувства, тем менее слов» [21. С. 30].

Центральными образами в переписке Н.М. Карамзина и Марии Федоровны являются образы Павловского сада и Розового павильона. Императрица приглашает Н.М. Карамзина и его семью пожить в Павловске. По разным причинам их приезд откладывается. В письмах же Павловск и Павловский сад приобретают символические, идиллические черты. Мечта о возможной встрече становится живительной для души, вдохновляющей на работу: «В печальном расположении моей души утешаюсь мыслию жить в Павловском и в Петербурге под Вашим Августейшим покровительством. <...> в садах Павловских, среди веселых предметов и меланхолических воспоминаний, надеюсь в будущее лето прибавить еще несколько глав к своей Истории» [21. С. 27]. Одно из писем к императрице Н.М. Карамзин озаглавливает «Мысли в саду Павловском», таким образом, письмо выстраивается по законам сентиментальной литературы, его центральным образом становится сельский домик, где «верят истине, которая изливается из сердца» [21. С. 38]. Сельский домик, безусловно, представляет собой символ безыскусственности, чистоты, искренности, естественности, противопоставленной искусственному великолепию света и пышности царской. Карамзин рисует образ «Августейшей Хозяйки» сельского домика, которая «любит быть человеком в объятиях Природы и семейства» [21. С. 38]. Роль автора этих строк, такого же сельского жителя, позволяет ему разговаривать с императрицей чувствительно и искренне: «С сею простою, сельскою искренностью скажу, что не люблю двора, но люблю Царей и Цариц, когда они украшают человечество своими внутренними достоинствами и любят сельские домики» [21. С. 38].

Немаловажной для переписки Н.М. Карамзина и Марии Федоровны становится тема труда историографа и необходимости написания им новейшей истории. Именно в письмах к Императрице – матери августейшего монарха, посреднику между Александром I и Н.М. Карамзиным – последний рисует образ Историка, выполняющего важнейшую государственную миссию. Интересно, что в письмах к Марии Федоровне возникает образ стареющего историографа (письма написаны в 1814 г.), долг которого писать не для любопытных современников, а для потомков. В письмах к императрице Н.М. Карамзин также формулирует свое историографическое кредо: «не умничать с излишнею прагматическою гордостью и не быть проповедником <...>, ибо история обязана сохранять свой человеческий характер» [21. С. 30]; «Могу иметь талант посредственный: по крайней мере не шарлатанствую, а прилежно занимаюсь таким делом, которое и в древние времена уважалось людьми просвещенными» [21. С. 33]. Важнейшее качество историографа и человека Н.М. Карамзина – искренность, чистосердечность. Не случайно знаковым в рассматриваемой переписке станет образ нелживой историографической музы.

Переписка Н.М. Карамзина и Елизаветы Александровны, жены Александра I, достаточно сильно отличается от переписки с другими членами царствующего дома. Это, безусловно, связано с личностными особенностями Елизаветы Алексеевны, ее положением при дворе. Переписка в большей своей части представляет собой коротенькие записки, часто написанные в один день. Таким образом, возникает ощущение непрекращающегося дружеского, доверительного диалога, главными характеристиками которого становятся меланхоличность, философская направленность. В эпистолярном общении Н.М. Карамзина и Елизаветы формируется своя образная система, в центре которой образ стареющего и больного историографа и Ангела-императрицы, у которой также крайне слабое здоровье, но при этом сильный характер и четкое представление о своем человеческом долге. Главным словом при характеристике императрицы Карамзиным становится слово «душа». Особое отношение автора к своему царствующему адресату сформулировано в одном из его писем: «Не умею писать к Вам приказным слогом: позвольте же мне мысленно поцеловать Вашу ручку с живейшею нежностью сердца, еще не совсем охлажденного почтенною старостью» [21. С. 63].

Их переписку можно рассматривать как философский роман в эпистолярной форме, в котором повседневность – болезни детей Н.М. Карамзина, его ревматизм, постоянное нездоровье императрицы – поэтизируется, поднимается на уровень философского осмысления. Закономерно, что центральными становятся мотивы болезни, грусти, времени, вечности, смерти, иного мира. Показательно, что мотив смерти проявляется даже в простой договоренности о встрече: «Нелживым словом историографа могу уверить Вас, что ваше нездоровье тревожило мою душу, еще не совсем остылую. Итак, завтра около семи часов, если не умру, буду у дверей Вашего кабинета» [21. С. 61].

Среди постоянных хлопот о здоровье в письмах находим своеобразные философские максимы, которые характеризуют слабых здоровьем адресатов как людей сильных духом, мыслящих и глубоко чувствующих: «век живи – век учись жить», «живите же как можно долее: то есть как можно долее заслуживайте на земле Небо! Чем долговременнее служба, тем более и награды» [21. С. 75], – напишет Н.М. Карамзин в поздравлении Елизавете. Показателен ее ответ: «нужно трудиться, чтобы заслужить награду, и желать сделать менее долговременной награду – значит проявить леность» [21. С. 76]. И таких примеров множество.

Особую литературность данным письмам придает частое включение в них описаний природных картин. Они становятся отражением душевного состояния пишущих: «Погода благоприятствовала мне сегодня; я приехала сюда в поисках покоя и моря; вам известно, что одно, как и другое, ценны для меня в любое время года» [21. С. 67]. Возможность соприкоснуться с природой становится синонимом здоровья, поскольку болезнь мешает прогулкам. Ключевым является образ моря, что связано с частым пребыванием императрицы в Ориенбауме, а позднее и в Таганроге. Находящийся вдали от императрицы Карамзин рисует истинно поэтические картины: «Вы можете гулять и на суше и на воде в Ориенбаум. Сын ... или правнук Океана, залив Финский, с гордостью и весельем, как думаю, носит Вашу яхту, несмотря на свою холодность» [21. С. 58].

Анализ переписки Н.М. Карамзина и Екатерины Павловны, сестры Александра I, осложняется тем, что на данный момент мы располагаем только двумя письмами писателя, которые, однако, позволяют составить представление о характере их эпистолярного общения. В своих письмах Екатерина Павловна рисует образ Н.М. Карамзина – мужа достойного, посвятившего себя пользе Отечества. Знакомство с ним возвышает ее душу. Он – ее учитель и одновременно друг. Деятельная, всегда занятая, Екатерина очень четко осознает свое царственное положение. Она дорожит обществом Н.М. Карамзина, ценит его деятельность.

О многообразии общения Н.М. Карамзина и Екатерины можно судить по тому, какое тематическое богатство может быть представлено в одном письме: размышление о бренности существования сменяется осмыслением современных исторических потрясений, деятельности Наполеона, описанием разрушенной Москвы, рассказом о работе над «Историей государства Российского», просьбой о книгах. Эти письма становятся зеркалом адресата писателя: женщины деятельной, многосторонней.

Приватные отношения Екатерины Павловны и Н.М. Карамзина на страницах писем можно охарактеризовать при помощи слов, часто встречающихся в их письмах: «упрек», «ссора», «разобидеться». Их письма живые, они полны чувств, свойственных умным, деятельным, эмоциональным людям. Так, например, заканчивается одно из писем Карамзина: «Прощайте, Сударыня. Вы велите мне быть уверенным в Вашей дружбе; сердце мое покоряется Вам без страха и упрёка. Однако позвольте мне все же быть Вами недовольным за Ваше молчание по поводу очаровательного юного великого Князя» [21. С. 114].

Итак, переписку Н.М. Карамзина с членами царствующего дома можно без преувеличения назвать культурным событием. Это своеобразный сгусток русского самосознания эпохи. Общаясь со своими адресатами посредством эпистолярного текста, писатель, историограф, мыслитель учит их думать, чувствовать, воспитывает души тех, от кого зависят судьбы страны и дальнейшее ее историческое развитие, стремится повлиять на их мировоззрение. Одновременно письма Н.М. Карамзина – это особое литературное явление, во многом отразившее развитие российской словесности в рамках сентиментальной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сапожникова Н.В. Философско-антропологическая природа эпистолярного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 2005. – 46 с.
2. Белонова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (жанр и текст писем). – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. – 137 с.
3. Кручинина Н.И. Элементы разговорного синтаксиса в произведениях эпистолярного жанра // Синтаксис и стилистика. – М.: Наука, 1976. – С. 24–43.
4. Наумова Т.С. Коммуникативное поведение Л.Н. Толстого: на материале эпистолярного наследия и мемуаров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2009. – 22 с.
5. Папян Ю.М. Словесные ряды в письмах русских писателей XVIII века (на материале писем М.Н. Муравьева, Д.И. Фонвизина, С.Г. Домашнева, Н.А. Львова, Н.М. Карамзина и А.Н. Радищева): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1992. – 17 с.
6. Фесенко О.П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 2009. – 37 с.
7. Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 255–270.
8. Степанов Н.Л. Дружеское письмо начала XIX в. // Русская проза. – Л.: Academia, 1926. – Вып. 3. – С. 74–101.
9. Гроссман Л.П. Культура писем в эпоху Пушкина // Любовный быт пушкинской эпохи: В 2 т. – М.: Наука, 1994. – Т. 2. – С. 248–255.
10. Макогоненко Г.П. Письма русских писателей XVIII века и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1980. – С. 3–41.
11. Алексеев М.П. Письма И.С. Тургенева // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма в 18 т. – М.: Наука, 1982. – Т. 1. – С. 9–116.
12. Елина Е.Г. Эпистолярные формы в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. – 89 с.
13. Дмитриева Е.Е. Эпистолярный жанр в творчестве А.С. Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1986. – 16 с.
14. Мелешенко Е.В. Письма Ф.М. Достоевского в контексте исследования личности и творчества писателя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2003. – 29 с.
15. Шевцова Н.В. Эпистолярный жанр в наследии Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2004. – 22 с.
16. Боровиков Д.С. Эпистолярные мотивы в художественном мире Н.В. Гоголя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2007. – 24 с.
17. Атанасова-Соколова Д. Письмо как факт русской культуры XVIII–XIX веков. – Budapest: EFO, 2006. – 272 с.
18. Созина Е.К. Сознание и письмо в русской литературе. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 2001. – 550 с.
19. Кочеткова Н.Д. Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука, 1980. – Т. 1. – С. 726–764.
20. Лазарчук Р.М. Переписка Н.М. Карамзина с А.А. Петровым (К проблеме реконструкции «романа в письмах») // XVIII век. Сб. 20. – СПб.: Наука, 1996. – С. 135–143.
21. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: В 18 т. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. – Т. 18: Письма. – 624 с.
22. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. – М.: Книга, 1987. – 254 с.

Поступила 14.11.2011 г.